

Федор Михайлович Достоевский

Слабое сердце

Под одной кровлей, в одной квартире, в одном четвертом этаже жили два молодые сослуживца, Аркадий Иванович Нефедевич и Вася Шумков... Автор, конечно, чувствует необходимость объяснить читателю, почему один герой назван полным, а другой уменьшительным именем, хоть бы, например, для того только, чтоб не сочли такой способ выражения неприличным и отчасти фамильярным. Но для этого было бы необходимо предварительно объяснить и описать и чин, и лета, и звание, и должность, и, наконец, даже характеры действующих лиц; а так как много таких писателей, которые именно так начинают, то автор предлагаемой повести, единственно для того, чтоб не походить на них (то есть, как скажут, может быть, некоторые, вследствие неограниченного своего самолюбия), решается начать прямо с действия. Кончив такое предисловие, он начинает.

Вечером, накануне Нового года, часу в шестом, Шумков воротился домой. Аркадий Иванович, который лежал на кровати, проснулся и вполглаза посмотрел на своего приятеля. Он увидел, что тот был в своей превосходнейшей партикулярной паре и в чистойшей манишке. Это, разумеется, его поразило. «Куда бы ходить таким образом Васе? да и не обедал он дома!» Шумков между тем зажег свечку, и Аркадий Иванович немедленно догадался, что приятель собирается разбудить его нечаянным образом. Действительно, Вася два раза кашлянул, два раза прошелся по комнате и, наконец, совершенно нечаянно выпустил из рук трубку, которую было стал набивать в уголку, возле печки. Аркадия Ивановича взял смех про себя.

– Вася, полно хитрить! – сказал он.

– Аркаша, не спишь?

– Право, наверно не могу сказать; кажется мне, что не сплю.

– Ах, Аркаша! здравствуй, голубчик! Ну, брат! ну, брат!.. Ты не знаешь, что я скажу тебе!

– Решительно не знаю; подойди-ка сюда.

Вася, как будто ждал того, немедленно подошел, никак не ожидая, впрочем, коварства от Аркадия Ивановича. Тот как-то преловко схватил его за руки, повернул, подвернул под себя и начал, как говорится, «душить» жертвочку, что, казалось, доставляло невероятное удовольствие веселому Аркадию Ивановичу.

– Попался! – закричал он. – Попался!

– Аркаша, Аркаша, что ты делаешь? Пусти, ради Бога, пусти, я фрак замараю!..

– Нужды нет; зачем тебе фрак? зачем ты такой легковёрный, что сам в руки даешься? Говори, куда ты ходил, где обедал?

– Аркаша, ради Бога, пусти!

– Где обедал?

– Да про это-то я и хочу рассказать.

– Так рассказывай.

– Да ты прежде пусти.

– Так вот нет же, не пушу, пока не расскажешь!

– Аркаша, Аркаша! да понимаешь ли ты, что ведь нельзя, никак невозможно! – кричал слабосильный Вася, выбиваясь из крепких лап своего неприятеля. – Ведь есть такие материи!..

– Какие материи?..

– Да такие, что вот о которых начнешь рассказывать в таком положении, так теряешь достоинство; никак нельзя; выйдет смешно – а тут дело совсем не смешное, а важное.

– И ну его, к важному! вот еще выдумал! Ты мне рассказывай так, чтоб я смеяться хотел, вот как рассказывай; а важного я не хочу; а то какой же ты будешь приятель? вот ты мне скажи, какой же ты будешь приятель! а?

– Аркаша, ей-богу, нельзя!

– И слышать не хочу...

– Ну, Аркаша! – начал Вася, лежа поперек кровати и стараясь всеми силами придать как можно более важности словам своим. – Аркаша! я, пожалуй, скажу; только...

– Ну что!..

– Ну, я помолвил жениться!

Аркадий Иванович, не говоря более праздного слова, взял молча Васю на руки, как ребенка, несмотря на то что Вася был не совсем коротенький, но довольно длинный, только худой, и преловко начал его носить из угла в угол по комнате, показывая вид, что его убаюкивает.

– А вот я тебя, жених, спеленаю, – приговаривал он. Но, увидя, что Вася лежит на его руках, не шелохнется и не говорит более ни слова, тотчас одумался и взял в соображение, что шутки, видно, далеко зашли; он поставил его среди комнаты и самым искренним, дружеским образом облобызал его в щеку.

– Вася, не сердись?..

– Аркаша, послушай...

– Ну, для Нового года.

– Да я-то ничего; да зачем же ты сам такой сумасшедший, повеса такой? Сколько я раз тебе говорил: Аркаша, ей-богу не остро, совсем не остро!

– Ну, да не сердись?

– Да я ничего; на кого я сержусь когда! Да ты меня огорчил, понимаешь ли ты!

– Да как огорчил? каким образом?

– Я шел к тебе как к другу, с полным сердцем, излить перед тобой свою душу, рассказать тебе мое счастье...

– Да какое же счастье? что ж ты не говоришь?

– Ну, да я женюсь-то! – отвечал с досадою Вася, потому что действительно немного был взбешен.

– Ты! ты женишься! так и вправду? – закричал благим матом Аркаша. – Нет, нет... да что ж это? и говорит так, и слезы текут!.. Вася, Васюк ты мой, сыночек мой, полно! Да вправду, что ль? – И Аркадий Иванович бросился к нему снова с объятиями.

– Ну, понимаешь, из-за чего теперь вышло? – сказал Вася. – Ведь ты добрый, ты друг, я это знаю. Я иду к тебе с такою радостью, с восторгом душевным, и вдруг всю радость сердца, весь этот восторг я должен был открыть, барахтаясь поперек кровати, теряя достоинство... Ты понимаешь, Аркаша, – продолжал Вася, полусмеясь, – ведь это было в комическом виде: ну, а я некоторым образом не принадлежал себе в эту минуту. Я же не мог унижать этого дела... Вот еще б ты спросил меня: как зовут? Вот, клянусь, скорей убил бы меня, а я бы тебе не ответил.

– Да, Вася, что же ты молчал! да ты бы мне все раньше сказал, я бы и не стал шалить, – закричал Аркадий Иванович в истинном отчаянии.

– Ну, полно же, полно! я ведь так это... Ведь ты знаешь, отчего это все, – оттого, что у меня доброе сердце. Вот мне и досадно, что я не мог сказать тебе, как хотел, обрадовать, принести удовольствие, рассказать хорошо, прилично посвятить тебя... Право, Аркаша, я тебя так люблю, что, не будь тебя, я бы, мне кажется, и не женился, да и не жил бы на свете совсем!

Аркадий Иванович, который необыкновенно был чувствителен, и смеялся, и плакал, слушая Васю. Вася тоже. Оба снова бросились в объятия и позабыли о бывшем.

– Как же, как же это? расскажи мне все, Вася! Я, брат, извини меня, я поражен, совсем поражен; вот точно громом сразило, ей-богу! Да нет же, брат, нет, ты выдумал, ей-богу выдумал, ты наврал! – закричал Аркадий Иванович и даже с неподдельным сомнением взглянул в лицо Васи, но, видя в нем блестящее подтверждение неопровержимого намерения жениться как можно скорее, бросился в постель и начал кувыркаться в ней от восторга, так что стены дрожали.

– Вася, садись сюда! – закричал он, усевшись, наконец, на кровати.

– Уж я, братец, право, не знаю, как и начать, с чего!

Оба в радостном волнении смотрели друг на друга.

– Кто она, Вася?

– Артемьевы!.. – произнес Вася расслабленным от счастья голосом.

– Нет?

– Ну, да я тебе уши прожужжал об них, потом замолк, а ты ничего и не заметил. Ах, Аркаша, чего стоило мне скрывать от тебя: да боялся, боялся говорить! Думал, что все расстроится, а я ведь влюблен, Аркаша! Боже мой, Боже мой! Видишь ли, вот какая история, – начал он, непрерывно останавливаясь от волнения, – у ней был жених, еще год назад, да вдруг его командировали куда-то; я

и знал его – такой, право, Бог с ним! Ну, вот, он и не пишет совсем, запал. Ждут, ждут; что бы это значило?.. Вдруг он, четыре месяца назад, приезжает женатый и к ним ни ногой. Грубо! подло! да за них заступиться некому. Плакала, плакала она, бедная, а я и влюбись в нее... да я и давно, всегда был влюблен! Вот стал утешать, ходил, ходил... ну, и я, право, не знаю, как это все произошло, только и она меня полюбила; неделю назад я не выдержал, заплакал, зарыдал и сказал ей все – ну! что люблю ее, – одним словом, все!.. «Я вас сама любить готова, Василий Петрович, да я бедная девушка, не насмейтесь надо мной: я и любить-то никого не смею». Ну, брат, понимаешь! понимаешь?.. Мы тут с ней на слове и помолвились; я думал-думал, думал-думал; говорю: как сказать маменьке? Она говорит: трудно, положите немножко: она боится; теперь еще, пожалуй, не отдаст меня вам; сама плачет. Я ей не сказавшись, бряк старухе сегодня. Лизанька перед ней на колени, я тоже... ну, и благословила. Аркаша, Аркаша! голубчик ты мой! будем жить вместе. Нет! я с тобой ни за что не расстанусь.

– Вася, как я ни смотрю на тебя, а не верю, ей-богу, как-то не верю, клянусь тебе. Право, мне все что-то кажется... Послушай, как же это ты женишься?.. Как же я не знал, а? Право, Вася, я, уже признаюсь тебе, я сам, брат, думал жениться; а уж как теперь ты женишься, так уж все равно! Ну, будь счастлив, будь счастлив!..

– Брат, теперь так сладко в сердце, так легко на душе... – сказал Вася, вставая и шагая в волнении по комнате. – Не правда ли, не правда ли? ведь ты чувствуешь тоже? Мы будем жить бедно, конечно, но счастливы будем; и ведь это не химера: наше счастье-то ведь не из книжки сказано: ведь это на деле счастливы мы будем!..

– Вася, Вася, послушай!

– Что? – сказал Вася, остановясь перед Аркадием Ивановичем.

– Мне пришла мысль; право, я как-то боюсь и сказать тебе!.. Ты прости меня, ты разреши мои сомнения. Чем же ты жить будешь? Я, знаешь, я в восторге, что ты женишься, конечно, в восторге, и владеть собой не могу, но – чем ты жить будешь? а?

– Ах, Боже, Боже мой! какой ты, Аркаша! – сказал Вася, в глубоком удивлении смотря на Нефедевича. – Да что ты в самом деле? Даже старуха и та двух минут не подумала, когда я ей представил все ясно. Ты спроси, чем они жили? Ведь пятьсот рублей в год на троих: ведь всего-то пенсиону после покойника столько. Жила она, да старуха, да еще братишка, за которого в школу платят из тех же денег, – ведь вот как живут! Ведь это только мы капиталисты с тобой! А у меня, поди-ка ты, в иной год, в хороший, даже семьсот наберется.

– Послушай, Вася; ты меня извини; я, ей-богу, я так ведь, я все только думаю, как бы это не расстроить – каких же семьсот? только триста...

– Триста!.. А Юлиан Мастакович? забыл?

– Юлиан Мастакович! да ведь это дело, братец, неверное; это не то что триста рублей верного жалованья, где всякий рубль как друг неизменный. Юлиан Мастакович, конечно, ну, даже великий он человек, я его уважаю, понимаю его, даром что он так высоко стоит, и, ей-богу, люблю его, потому что он тебя любит и тебе за работу дарит, тогда как мог бы не платить, а командировать себе прямо чиновника, но ведь согласись сам, Вася... Послушай еще: я ведь не вздор говорю; я согласен, во всем Петербурге не найдешь такого почерка, как твой почерк, я готов тебе уступить, – не без восторга заключил Нефедевич, – но вдруг, Боже сохрани! ты не понравишься, вдруг ты не угодишь ему, вдруг у него дела прекратятся, вдруг он другого возьмет – ну, да, наконец, мало ли что может случиться!

Ведь Юлиан-то Мастакович был да сплыл, Вася...

– Послушай, Аркаша, ведь этак, пожалуй, над нами сейчас потолок провалится...

– Ну, конечно, конечно... я ведь ничего...

– Нет, послушай меня, ты выслушай – видишь что: каким он образом может со мною расстаться... Нет, ты только выслушай, выслушай. Ведь я все исполняю рачительно; ведь он такой добрый, ведь он мне, Аркаша, ведь он мне сегодня дал пятьдесят рублей серебром!

– Неужели, Вася? так тебе награждение?

– Какое награждение! из своего кармана. Говорит: уж ты, брат, пятый месяц денег не получал; хочешь, возьми: спасибо, говорит, тебе, спасибо, доволен... ей-богу! не даром же ты мне, говорит, работаешь – право! так и сказал. У меня слезы полились, Аркаша. Господи Боже!

– Послушай, Вася, а ты дописал те бумаги?..

– Нет... еще не дописал.

– Ва... синька! ангел мой! что ты сделал?

– Послушай, Аркадий, ничего, еще два дня сроку, успею...

– Как же ты это так не писал?..

– Ну, вот, ну, вот! ты с таким убитым видом смотришь, что у меня вся внутренность ворочается, сердце болит! Ну, что ж? ты меня всегда этак убиваешь! Так и закричит: а-а-а!!! Да ты рассуждай; ну, что ж такое? ну, кончу, ей-богу кончу...

– Что, если не кончишь? – закричал Аркадий, вскочив. – А он же тебе сегодня дал награждение! Ты же тут женишься... Ай-ай-ай!..

– Ничего, ничего, – закричал Шумков, – я сейчас же и сажусь, сию минуту сажусь; ничего!

– Как это ты манкировал, Васютка?

– Ах, Аркаша! ну, мог ли я усидеть? такой ли я был? Да я в канцелярии-то едва сидел; ведь я сердца сносить не мог... Ах! ах! теперь ночь просижу, и завтра ночь просижу, да послезавтра еще, и – докончу!..

– Много осталось?

– Не мешай, ради Бога, не мешай, замолчи...

Аркадий Иванович на цыпочках подошел к кровати и уселся; потом вдруг хотел было встать, но потом опять принужден был сесть, вспомнив, что помешать может, хотя и сидеть не мог от волнения: видно было, что его совсем перевернуло известие, и первый восторг еще не успел выкипеть в нем. Он взглянул на Шумкова, тот взглянул на него, улыбнулся, погрозил ему пальцем и потом, страшно нахмутив брови (как будто в этом заключалась вся сила и весь успех работы), уставился глазами в бумаги.

Казалось, и он тоже еще не пересилил своего волнения, переменял перья, вертелся на стуле,

пристроивался, опять принимался писать, но рука его дрожала и отказывалась двигаться.

– Аркаша! Я им говорил об тебе, – закричал он вдруг, как будто только что вспомнил.

– Да? – закричал Аркадий. – А я только спросить хотел; ну!

– Ну! ах да, я тебе после все расскажу! Вот, ей-богу, сам виноват, а совсем из ума вышло, что не хотел ничего говорить, покамест не напишу четырех листов; да вспомнил про тебя и про них. Я, брат, и писать как-то не могу: все об вас вспоминаю... – Вася улыбнулся.

Настало молчание.

– Фу! какое скверное перо! – закричал Шумков, ударив в досаде им по столу. Он взялся за другое.

– Вася! послушай! одно слово...

– Ну! поскорей и в последний раз.

– Много тебе осталось?

– Ах, брат!.. – Вася так поморщился, как будто ничего в свете не было ужаснее и убийственнее такого вопроса. – Много, ужасно много!

– Знаешь, у меня была идея...

– Что?

– Да нет, уж нет, пиши.

– Ну, что? что?

– Теперь седьмой час, Васюк!

Тут Нефедевич улыбнулся и плутовски подмигнул Васе, но, однако ж, все-таки несколько с робостью, не зная, как примет он это.

– Ну, что ж? – сказал Вася, бросив совсем писать, смотря ему прямо в глаза и даже побледнев от ожидания.

– Знаешь что?

– Ради Бога, что?

– Знаешь что? Ты взволнован, ты много не наработаешь... Пстой, постой, постой, постой – вижу, вижу – слушай! – заговорил Нефедевич, вскочив в восторге с постели и прерывая заговорившего Васю, всеми силами отстраняя возражения. – Прежде всего нужно успокоиться, нужно с духом собраться, так ли?

– Аркаша! Аркаша! – закричал Вася, вскочив с кресел. – Я просижу всю ночь, ей-богу просижу!

– Ну, да, да! Ты к утру только заснешь...

– Не засну, ни за что не засну...

– Нет, нельзя, нельзя; конечно, заснешь, в пять часов засни. В восемь я тебя бужу. Завтра праздник; ты садишься и строчишь целый день... Потом ночь и – да много ль осталось тебе?..

– Да вот, вот!..

Вася, дрожа от восторга и от ожидания, показал тетрадку.

– Вот!..

– Послушай, брат, ведь это немного...

– Дорогой мой, – еще там есть, – сказал Вася, робко-робко смотря на Нефедевича, как будто от него зависело разрешение, идти или нет.

– Сколько?

– Два... листочка...

– Ну, что ж? ну, послушай! Ведь кончить успеем, ей-богу успеем!

– Аркаша!

– Вася! послушай! Теперь под Новый год все по семействам собираются, мы с тобой только бездомные, сирые... У! Васенька!..

Нефедевич облапил Васю и стиснул в своих львиных объятиях.

– Аркадий, решено!

– Васюк, я только об этом сказать хотел. Видишь, Васюк, косолапый ты мой! слушай! слушай! ведь...

Аркадий остановился с открытым ртом, потому что не мог говорить от восторга. Вася держал его за плечи, глядел ему во все глаза и так двигал губами, как будто сам хотел договорить за него.

– Ну! – проговорил он наконец.

– Представь им сегодня меня!

– Аркадий! идем туда чай пить! Знаешь что? знаешь что? Даже до Нового года не досидим, раньше уйдем. – закричал Вася в истинном вдохновенье.

– То есть два часа, ни больше ни меньше!..

– И потом разлука до тех пор, пока не докончу!..

– Васюк!..

– Аркадий!

В три минуты Аркадий был по-парадному. Вася только почистился, затем что и не снимал своей пары: с таким рвением присел он за дело.

Они поспешно вышли на улицу, один радостнее другого. Путь лежал с Петербургской стороны

в Коломну. Аркадий Иванович отмеривал шаги бодро и энергично, так что по одной походке его уже можно было видеть всю его радость о благополучии все более и более счастливого Васи. Вася семенял более мелким шагком, но не теряя достоинства. Напротив, Аркадий Иванович еще никогда не видал его в более выгодном для него свете. Он в эту минуту даже как-то более уважал его, и известный телесный недостаток Васи, о котором до сих пор еще не знает читатель (Вася был немного кривобок), вызывавший всегда глубоко любящее чувство сострадания в добром сердце Аркадия Ивановича, теперь еще более способствовал к глубокому умилению, которое особенно питал к нему друг его в эту минуту и которого Вася, уж разумеется, всячески был достоин. Аркадию Ивановичу даже хотелось заплакать от счастья; но он удержался.

– Куда, куда, Вася? здесь ближе пройдем! – вскричал он, видя, что Вася норовит повернуть к Вознесенскому.

– Молчи, Аркаша, молчи...

– Право, ближе, Вася.

– Аркаша! знаешь ли что? – начал Вася таинственно, замирающим от радости голосом. – Знаешь ли что? Мне хочется принести подарочек Лизаньке...

– Что ж такое?

– Здесь, брат, на углу мадам Леру, чудесный магазин!

– А, ну!

– Чепчик, душечка, чепчик; сегодня я видел такой чепчоночек миленький; я спрашивал: фасон, говорят, Manon Lescaut¹ называется – чудо! ленты серизовые,² и если недорого... Аркаша, да хоть бы и дорого!..

– Ты, по-моему, выше всех поэтов, Вася! идем!..

Они побежали и через две минуты вошли в магазин. Их встретила черноглазая француженка в локонах, которая тотчас же, при первом взгляде на своих покупателей, сделалась так же весела и счастлива, как они сами, даже счастливее, если можно сказать. Вася готов был расцеловать мадам Леру от восторга.

– Аркаша! – сказал он вполголоса, бросив обыкновенный взгляд на все прекрасное и великое, стоявшее на деревянных столбиках на огромном столе магазина. – Чудеса! Что это такое? что это? Вот этот, например, бонбончик,³ видишь? – прошептал Вася, показывая один миленький крайний чепчик, но вовсе не тот, который купить хотел, потому что уже издали нагляделся и впился глазами в другой, знаменитый, настоящий, стоявший на противоположном конце. Он так смотрел на него, что можно было подумать, будто его кто-нибудь возьмет да украдет или будто сам чепчик, именно для того, чтоб не доставаться Васе, улетит с своего места на воздух.

– Вот, – сказал Аркадий Иванович, указав на один, – вот, по-моему, лучший.

---

¹ Манон Леско (франц.).

² Серизовые (франц. cerise) – вишневые.

³ Бонбончик (франц. bonbon) – конфетка.

– Ну, Аркаша! это даже делает честь тебе; я тебя, право, особенно уважать начинаю за вкус, – сказал Вася, плутовски схитрив в умилении своего сердца пред Аркашей, – прелесть твой чепчик, но поди-ка сюда!

– Где же, брат, лучше?

– Смотри-ка сюда!

– Этот? – сказал Аркадий с сомнением.

Но когда Вася, не в силах более выдержать, сорвал его с деревяшки, с которой он, казалось, вдруг слетел самовольно, как будто обрадовавшись такому хорошему покупщику после долгого ожидания, когда захрустели все его ленточки, рюши и кружева, неожиданный крик восторга вырвался из мощной груди Аркадия Ивановича. Даже мадам Леру, наблюдавшая все свое несомненное достоинство и преимущество в деле вкуса во все время выбора и только молчавшая из снисхождения, наградила Васю полную улыбкою одобрения, так что все в ней, во взгляде, в жесте и в этой улыбке разом проговорило – да! вы угадали и достойны счастья, которое вас ожидает.

– Ведь кокетничал, кокетничал в уединении! – закричал Вася, перенеся всю любовь свою на миленький чепчик. – Нарочно прятался, плутишка, голубчик мой! – И он поцеловал его, то есть воздух, который его окружал, потому что боялся дотронуться до своей драгоценности.

– Так скрывает себя истинная заслуга и добродетель, – прибавил Аркадий в восторге, для юмора прибрав фразу из одной остроумной газеты, которую читал поутру. – Ну, Вася, что же?

– Виват, Аркаша! да ты и остришь сегодня, ты сделаешь *фурор*, как они говорят, между женщинами, предрекаю тебе. Мадам Леру, мадам Леру!

– Что прикажете?

– Голубушка, мадам Леру!

Мадам Леру взглянула на Аркадия Ивановича и снисходительно улыбнулась.

– Вы не поверите, как я вас обожаю в эту минуту... Позвольте поцеловать вас... – и Вася поцеловал магазинщицу.

Решительно нужно было призвать на минуту все достоинство, чтоб не уронить себя с подобным повесой. Но я утверждаю, что нужно иметь к тому и всю врожденную, неподдельную любезность и грацию, с которой мадам Леру приняла восторг Васи. Она извинила его, и как умно, как грациозно умела она найтись в этом случае! Неужели же можно было рассердиться на Васю?

– Мадам Леру, сколько цена?

– Это пять рублей серебром, – отвечала она, оправившись, с новой улыбкою.

– А этот, мадам Леру, – сказал Аркадий Иванович, указав на свой выбор.

– Этот восемь рублей серебром.

– Ну, позвольте! ну, позвольте! ну, согласитесь, мадам Леру, ну, который лучше, грациознее, милее, который из них более походит на вас?

– Тот богаче, но ваш выбор – c'est plus coquet.⁴

– Ну, так его и берем!

Мадам Леру взяла лист тонкой-тонкой бумаги, зашпилила булавочкой, и, казалось, бумага с завернутым чепчиком сделалась легче, нежели прежде, без чепчика. Вася взял все это бережно, чуть дыша, раскланялся с мадам Леру, что-то еще сказал ей очень любезное и вышел из магазина.

– Я вивёр,⁵ Аркаша, я рожден быть вивёром! – кричал Вася, хохоча, заливаясь неслышным, мелким, нервическим смехом и обегая прохожих, которых всех разом подозревал в непременно покусении измять его драгоценнейший чепчик!

– Послушай, Аркадий, послушай! – начал он минуту спустя, и что-то торжественно, что-то донельзя любящее зазвенело в настрое его голоса. – Аркадий, я так счастлив, так счастлив!..

– Васенька! как я-то счастлив, голубчик мой!

– Нет, Аркаша, нет, твоя любовь ко мне беспредельна: я знаю; но ты не можешь ощущать и сотой доли того, что я чувствую в эту минуту. Мое сердце так полно, так полно! Аркаша! Я недостойн этого счастья! Я слышу, я чувствую это. За что мне, – говорил он голосом, полным заглушенных рыданий, – что я сделал такое, скажи мне! Посмотри, сколько людей, сколько слез, сколько горя, сколько будничной жизни без праздника! А я? меня любит такая девушка, меня... но ты сам ее увидишь сейчас, сам оценишь это благородное сердце. Я родился из низкого звания, теперь чин у меня и независимый доход – жалованье. Я родился с телесным недостатком, я кривобок немного. Смотри, она меня полюбила, как я есть. Сегодня Юлиан Мастакович был такой нежный, такой внимательный, такой вежливый; он со мною редко говорит; подошел: «Ну, что, Вася (ей-богу, так-таки Васей и назвал), кутить пойдешь на праздниках, а?» (Сам смеется.)

«Так и так, говорю, ваше превосходительство, дело есть, – да тут же ободрился и говорю: – И повеселюсь, может быть, ваше превосходительство», – ей-богу, сказал. Он мне тут денег дал, потом еще сказал мне два слова. Я, брат, заплакал, ей-богу, слезы прошибли, а он тоже, кажется, тронут был, потрепал меня по плечу, да говорит: «Чувствуй, Вася, чувствуй всегда так, как теперь это чувствуешь...»

Вася замолк на мгновение. Аркадий Иванович отвернулся и тоже отер кулаком слезинку.

– И еще, еще... – продолжал Вася. – Я никогда еще не говорил тебе этого, Аркадий... Аркадий! Ты так счастливишь меня дружбой своею, без тебя я бы не жил на свете, – нет, нет, не говори ничего, Аркаша! Дай мне пожать тебе руку, дай по... благо... дар... ить тебя!.. – Вася опять не закончил.

Аркадий Иванович хотел прямо броситься Васе на шею, но так как они переходили улицу и почти над ушами их раздалось визгливое «падь-падь-пади!» – то оба, испуганные и взволнованные, добежали бегом до тротуара. Аркадий Иванович был даже рад тому. Он извинил излишнее благодарности Васи разве только исключительностию настоящей минуты. Самому же ему было досадно. Он чувствовал, что он до сих пор так мало сделал для Васи! Ему даже стыдно стало за себя, когда Вася начал благодарить его за такую малость! Но еще целая жизнь была впереди, и Аркадий Иванович вздохнул свободнее...

---

⁴ Это кокетливее (франц.).

⁵ Вивёр (франц. viveur) – живущий в свое удовольствие.

Решительно их совсем перестали ждать! Доказательство – что уж сидели за чаем! А, право, иногда стар человек прозорливее молодежи, да еще какой молодежи! Ведь Лизанька-то пресерьезно уверяла, что не будет; «не будет, маменька; уж сердце чувствует, что не будет»; а маменька все говорила, что ее сердце, напротив, чувствует, что непременно будет, что не усидит, что прибежит, что и занятий-то служебных теперь нет у него, что и под Новый-то год! Лизанька и отворяя не ждала совсем – глазам не верила, и встретила их запыхавшись, с забившимся внезапно сердечком, как у пойманной птички, вся заалев, зарумянившись, словно вишенка, на которую она ужасно как походила. Боже мой, какой сюрприз! какое радостное «ах!» вылетело из ее губок! «Обманщик! Голубчик ты мой!» – вскричала она, обвинив шею Васи... Но представьте все удивление ее, весь ее стыд внезапный: прямо за Васей, как будто желая спрятаться сзади его, стоял, немного потерявшись, Аркадий Иванович. Нужно признаться, что он был неловок с женщинами, даже очень неловок, даже однажды случилось, что... Но это потом. Однако ж войдите и в его положение: смешного тут нет ничего; он стоит в передней, в калошах, в шинели, в ушатой шапке, которую поспешил было сдернуть, весь пребезобразно обмотанный желтым вязаным прескверным шарфом, еще для большего эффекта завязанным сзади. Все это нужно распутать, снять поскорее, представиться в более выгодном виде, потому что нет человека, который не желал бы представиться в более выгодном виде. А тут Вася, досадный, несносный, хотя, впрочем, конечно, тот же милый, добрейший Вася, но, наконец, несносный, безжалостный Вася! «Вот, – кричит он, – Лизанька, вот тебе мой Аркадий! Каков? Вот мой лучший друг, обними его, поцелуй его, Лизанька, наперед поцелуй, узнаешь потом лучше, сама расцелуешь...» Ну, что? ну, что, я спрашиваю, было делать Аркадию Ивановичу? А он еще размотал всего половину шарфа! Право, мне даже иногда совестно за излишнюю восторженность Васи: она, конечно, означает доброе сердце, но... неловко, нехорошо!

Наконец оба вошли. Старушка была несказанно рада познакомиться с Аркадием Ивановичем; она так много слышала, она... Но она не докончила. Радостное «ах!», звонко раздавшееся в комнате, остановило ее на полфразе. Боже мой! Лизанька стояла перед развернутым неожиданно чепчиком, пренаивно сложив свои ручки и улыбаясь, улыбаясь так... Боже мой, да зачем это у madame Леру не было еще лучшего чепчика!

Ах, Боже мой, да где ж вы найдете чепчик лучше? Это уж из рук вон! Где же вы сыщете лучше? Я говорю серьезно! Меня, наконец, даже приводит в некоторое негодование, даже огорчает немного такая неблагодарность влюбленных. Ну, посмотрите сами, господа, посмотрите, что может быть лучше этого амурчика-чепчика! Ну, взгляните... Но нет, нет, мои пени напрасны; они уже согласились все со мною; это было минутное заблуждение, туман, горячка чувства; я готов им простить... Да зато посмотрите... вы уж извините, господа, я все об этом чепчике: тюлевый, легонький, широкая серизовая лента, покрытая кружевом, идет между тульею и рюшем и сзади две ленты, широкие, длинные; они будут падать немного ниже затылка, на шею... Нужно только и весь чепчик немного надеть на затылок; ну, посмотрите; ну, я вас спрошу после этого!.. Да вы, я вижу, не смотрите!.. Вам, кажется, все равно! Вы загляделись в другую сторону... Вы смотрите, как две крупные-крупные, словно перлы, слезинки накопили в один миг в черных как смоль глазках, задрожали на мгновение на длинных ресницах и потом канули на этот скорее воздух, чем тюль, из которого состояло художественное произведение madame Леру... И опять мне досадно: ведь почти не за чепчик были эти две слезинки!.. Нет! по-моему, такую вещь нужно дарить хладнокровно. Тогда только можно истинно оценить ее! Я, признаюсь, господа, все за чепчик!

Уселись – Вася с Лизанькой, а старушка с Аркадием Ивановичем; начали разговор, и Аркадий Иванович вполне поддержал себя. Я с радостью отдаю ему справедливость. Даже трудно было ожидать от него. После двух слов об Васе он превосходно успел заговорить об Юлиане Мастаковиче, его благодетеле. Да так умно, так умно заговорил, что разговор, право, не истощился и в час. Нужно

было видеть, с каким умением, с каким тактом касался Аркадий Иванович некоторых особенностей Юлиана Мастаковича, имевших прямое или косвенное отношение к Васе. Зато и старушка была очарована, истинно очарована: она сама призналась в этом, она нарочно отозвала Васю в сторону и там сказала ему, что друг его превосходнейший, любезнейший молодой человек и, главное, такой серьезный, солидный молодой человек. Вася чуть не захохотал от блаженства. Он вспомнил, как солидный Аркаша вертел его четверть часа на постели! Потом старушка мигнула Васе и сказала, чтоб он вышел за нею тихонько и осторожнее в другую комнату. Нужно сознаться, она немного дурно поступила относительно Лизаньки: она, конечно, от избытка сердца, изменила ей и вздумала показать потихоньку подарок, который готовила Лизанька Васе к Новому году. Это был бумажник, шитый бисером, золотом и с превосходнейшим рисунком: на одной стороне изображен был олень, совершенно как натуральный, который чрезвычайно шибко бежал, и так похоже, так хорошо! На другой стороне был портрет одного известного генерала, тоже превосходно и весьма похоже отделанный. Я уж не говорю о восторге Васи. Между тем и в зале не прошло даром время. Лизанька прямо подошла к Аркадию Ивановичу. Она взяла его за руки, она за что-то благодарила его, и Аркадий Иванович догадался, наконец, что дело идет о том же драгоценнейшем Васе. Лизанька даже была глубоко растрогана: она слышала, что Аркадий Иванович был такой истинный друг ее жениха, так любил его, так наблюдал за ним, напутствовал на каждом шагу спасительными советами, что, право, она, Лизанька, не может не благодарить его, не может удержаться от благодарности, что она надеется, наконец, что Аркадий Иванович полюбит и ее хоть в половину так, как любит Васю. Потом она стала расспрашивать, бережет ли Вася свое здоровье, изъявила некоторые опасения насчет особенной пылкости его характера, насчет несовершенного знания людей и практической жизни, сказала, что она религиозно будет со временем наблюдать за ним, хранить и лелеять судьбу его и что она надеется, наконец, что Аркадий Иванович не только их не оставит, но даже жить будет с ними вместе.

– Мы будем втроем как один человек! – вскричала она в пренаивном восторге.

Но нужно было идти. Разумеется, стали удерживать, но Вася объявил наотрез, что нельзя. Аркадий Иванович засвидетельствовал то же самое. Спросили, разумеется, почему, и немедленно открылось, что было дело, вверенное Юлианом Мастаковичем Васе, спешное, нужное, ужасное, которое нужно представить послезавтра утром, а что оно не только не кончено, но даже запущено совершенно. Маменька ахнула, как услышала об этом, а Лизанька просто испугалась, встревожилась и даже погнала Васю. Последний поцелуй вовсе не проиграл от этого; он был короче, поспешней, но зато горячее и крепче. Наконец расстались, и оба друга пустились домой.

Немедленно оба взапуски начали поверять друг другу свои впечатления, только что очутились на улице. Да тому так и следовало быть: Аркадий Иванович был влюблен, насмерть влюблен в Лизаньку! И кому ж это лучше поверить, как не самому счастливицу Васе? Он так и сделал: он не посовестился и тотчас же признался Васе во всем. Вася ужасно смеялся и страшно был рад, даже заметил, что это вовсе не лишнее и что теперь они будут еще больше друзьями. «Ты угадал меня, Вася, – сказал Аркадий Иванович, – да! я люблю ее так, как тебя; это будет и мой ангел, так же как твой, затем что и на меня ваше счастье прольется, и меня пригреет оно. Это будет и моя хозяйка, Вася; в ее руках будет счастье мое; пусть хозяйничает как с тобою, так и со мной. Да, дружба к тебе – дружба к ней; вы у меня нераздельны теперь; только у меня будут два такие существа, как ты, вместо одного...» Аркадий замолчал от избытка чувств; а Вася был потрясен до глубины души его словами. Дело в том, что он никогда не ожидал таких слов от Аркадия. Аркадий Иванович вообще говорить не умел, мечтать тоже совсем не любил; теперь же тотчас пустился и в мечтания самые веселые, самые свежие, самые радужные!

«Как я буду хранить вас обоих, лелеять вас, – заговорил он опять. – Во-первых, я, Вася, буду у

тебя всех детей крестить, всех до единого, а во-вторых, Вася, надобно похлопотать и о будущем. Нужно мебель купить, нужно квартиру нанять, так чтоб и ей, и тебе, и мне были каморки отдельные. Знаешь, Вася, я завтра же побегу смотреть ярлыки на воротах. Три... нет, две комнаты, нам больше не нужно. Я даже думаю, Вася, что я сегодня вздор говорил, денег достанет; чего! я как взглянул в ее глазки, так тотчас расчел, что достанет. Все для нее! Ух, как будем работать! Теперь, Вася, можно рискнуть и заплатить рублей двадцать пять за квартиру. Квартира, брат, все! Хорошие комнаты... да тут и человек весел, и мечтания радужные! А во-вторых, Лизанька будет наш общий кассир: ни копейки лишней! Чтоб этак я теперь в трактир побежал! да за кого ты меня принимаешь? ни за что! А тут прибавка, награды будут, потому что мы будем прилежно служить, у! как работать, как волю землю пахать!.. Ну, представь себе, – и голос Аркадия Ивановича ослабел от удовольствия, – вдруг этак совсем неожиданно целковых тридцать иль двадцать пять на голову!.. Ведь что ни награда, то чепчик, то шарфик, чулочки какие-нибудь! Она мне непременно должна связать шарф; смотри, какой скверный у меня: желтый, поганый, наделал он мне сегодня беды! Да и ты, Вася, хорош; представляешь, а я в хомуте стою... да не в том вовсе дело! А вот, видишь ли, я все серебро беру на себя! я вам ведь обязан сделать подарочек, – это честь, это мое самолюбие!.. А ведь наградные мои не уйдут: Скороходову, что ли, их отдадут? небось не залежатся они у этой цапли в кармане. Я, брат, вам куплю ложек серебряных, ножей хороших – не серебряных ножей, а отличных ножей, и жилетку, то есть жилетку-то себе: я ведь шафером буду! Только уж ты теперь держись у меня, уж держись, уж я над тобой, брат, и сегодня, и завтра, и всю ночь буду с палкой стоять, замучаю на работе: кончай! кончай, брат, скорее! и потом опять на вечер, и потом оба счастливы; в лото пустимся!.. вечера сидеть будем – у, хорошо! фу, черт! как досадно, что не могу тебе помогать. Так бы взял и все бы, все бы писал за тебя... Зачем это у нас не одинаковый почерк?

– Да! – ответил Вася. – Да! нужно спешить. Я думаю, теперь часов одиннадцать будет; нужно спешить... За работу! – И, проговорив это, Вася, который все время то улыбался, то как-нибудь старался прервать каким-нибудь восторженным замечанием изливание дружеских чувств и, одним словом, оказывал самое полное одушевление, вдруг присмирел, замолчал и пустился чуть не бегом по улице. Казалось, какая-то тяжкая идея вдруг оледенила его пылавшую голову; казалось, все сердце его сжалось.

Аркадий Иванович даже стал беспокоиться; на ускоренные вопросы свои он почти не получал ответов от Васи, который отделялся словцом-другим, иногда восклицанием, часто вовсе не относившимся к делу. «Да что с тобой, Вася? – закричал он, наконец, едва догоняя его. – Неужели ты так беспокоишься?..» – «Ах, брат, полно болтать!» – ответил Вася даже с досадою. «Не унывай, Вася, полно, – прервал Аркадий, – да я видывал, что ты и гораздо больше в меньший срок писывал... чего тебе! у тебя просто талант! В крайнем случае можно даже ускорить перо: ведь не литографировать же на прописи будут. Успеешь!.. вот разве только ты взволнован теперь, рассеян, так работа тяжелее пойдет...» Вася не отвечал или пробормотал что-то под нос, и оба в решительной тревоге добежали домой.

Вася тотчас же сел за бумаги. Аркадий Иванович присмирел и притих, втихомолку разделся и лег на кровать, не спуская глаз с Васи. Какой-то страх нашел на него... «Что с ним? – сказал он про себя, смотря на побледневшее лицо Васи, на разгоревшиеся глаза его, на беспокойство, выказавшееся в каждом движении. – У него и рука дрожит... фу, ты, право! да не посоветовать ли ему заснуть часа два; хоть бы он переспал свое раздражение». Вася только что окончил страницу, поднял глаза, нечаянно взглянул на Аркадия и, тотчас же потупившись, схватился опять за перо.

– Послушай, Вася, – начал вдруг Аркадий Иванович, – не лучше ль было бы тебе переспать немножко? Смотри, ты совсем в лихорадке...

Вася с досадой, даже со злостью взглянул на Аркадия и не отвечал.

– Послушай, Вася, что ты над собой делаешь?..

Вася тотчас одумался.

– Не выпить ли чайку, Аркаша? – сказал он.

– Как так? зачем?

– Силы придаст. Я спать не хочу, уж я спать не буду! Я все буду писать. А теперь и отдохнул бы за чаем, да и мгновение тяжелое перешло бы.

– Лихо, брат Вася, чудесно! именно так; я сам хотел предложить. Но я дивлюсь, как мне самому не пришло это в голову. Только знаешь ли что? Мавра не встанет, ни за что не проснется...

– Да...

– Вздор, ничего! – закричал Аркадий Иванович, вскочив босиком с постели. – Я сам самовар поставлю. Впервой, что ли, мне?..

Аркадий Иванович побежал в кухню и пустился хлопотать с самоваром; Вася покамест писал. Аркадий Иванович оделся и сбегал сверх того в булочную, затем, чтоб Вася мог вполне подкрепить себя на ночь. Через четверть часа самовар стоял на столе. Они начали пить, но разговор не клеился. Вася все был рассеян.

– Вот, – сказал он, наконец, как будто одумавшись, – нужно завтра пойти поздравлять...

– Тебе вовсе не нужно.

– Нет, брат, нельзя, – сказал Вася...

– Да я за тебя у всех распишусь... чего тебе! ты завтра работай. Сегодня бы ты посидел часов до пяти, как я говорил, а там и заснул бы. А то на что ты завтра будешь похож? Я бы тебя ровно в восемь часов разбудил...

– Да хорошо ли это будет, что ты за меня распишешься? – сказал Вася полусоглашаясь.

– Да чего же лучше? так делают все!..

– Право, боюсь...

– Да чего же, чего?

– Оно, знаешь, у других ничего, а Юлиан Мастакович – он, Аркаша, мой благодетель; ну, как заметит, что чужая рука...

– Заметит! Ну, какой ты, право, Васюк! ну, как он может заметить?.. Да ведь я, знаешь, твое имя ужасно как похоже подписываю и завиток такой же делаю, ей-богу. Полно; что ты! кому тут заметить?..

Вася не отвечал и поспешно допивал свой стакан... Потом он сомнительно покачал головой.

– Вася, голубчик! ах, кабы нам удалось! Вася, да что с тобой? Ты меня просто пугаешь! Знаешь, я теперь и не лягу, Вася, не засну. Покажи мне, много ль осталось тебе?

Вася так взглянул на него, что у Аркадия Ивановича сердце повернулось и язык осекся.

– Вася! что с тобой? что ты? чего ты так смотришь?

– Аркадий, я, право, пойду завтра поздравить Юлиана Мастаковича.

– Ну, ступай, пожалуй! – говорил Аркадий, смотря на него во все глаза в томительном ожидании.

– Послушай, Вася, ускорь перо; я зла тебе не советую, ей-богу же так! Сколько раз говорил сам Юлиан Мастакович, что у тебя в пере ему всего более нравится четкость! Ведь это Скороплёхин только любит, чтоб было четко и красиво, как пропись, чтоб потом как-нибудь зажилить бумажку да детям домой нести переписывать: не может купить, болван, прописей! А Юлиан Мастакович только и говорит, только и требует: четко, четко и четко!.. чего же тебе! право, Вася, я уж не знаю, как и говорить с тобой... Я боюсь даже... Ты меня убиваешь тоской своей.

– Ничего, ничего! – говорил Вася и в изнеможении упал на стул. Аркадий встревожился.

– Не хочешь ли воды? Вася! Вася!

– Полно, полно, – сказал Вася, сжимая его руку. – Я ничего; мне только стало как-то грустно, Аркадий. Я даже и сам не могу сказать отчего. Послушай, говори лучше о другом; не напоминай мне...

– Успокойся, ради Бога, успокойся, Вася. Ты докончишь, ей-богу докончишь! А хоть бы и не докончил, так что ж за беда? Точно преступление какое!

– Аркадий, – сказал Вася, так значительно смотря на своего друга, что тот решительно испугался, ибо никогда Вася не тревожился так ужасно. – Если б я был один, как прежде... Нет! я не то говорю. Мне все хочется тебе сказать, поверить, как другу... Впрочем, зачем же беспокоить тебя? Видишь, Аркадий, одним дано многое, другие делают маленькое, как я. Ну, если от тебя потребовали благодарности, признательности – и ты бы не мог этого сделать?..

– Вася! я решительно не понимаю тебя!

– Я никогда не был неблагодарен, – продолжал Вася тихо, как будто рассуждая сам с собою. – Но если я не в состоянии высказать всего, что чувствую, то оно как будто бы... Оно, Аркадий, выйдет, как будто я и в самом деле неблагодарен, а это меня убивает.

– Да что ж, да что! Неужели же в том вся благодарность, что ты перепишешь к сроку? Подумай, Вася, что ты говоришь! разве в этом выражается благодарность?

Вася вдруг замолчал и посмотрел во все глаза на Аркадия, как будто его неожиданный аргумент разрушил все сомнения. Он даже улыбнулся, но тотчас же принял опять прежнее задумчивое выражение. Аркадий, приняв эту улыбку за окончание всех страхов, а тревогу, опять явившуюся, за решимость на что-нибудь лучшее, крайне обрадовался.

– Ну, брат Аркаша, проснешься, – сказал Вася, – взгляни на меня; неравно я засну, беда будет; а теперь я сажусь за работу... Аркаша?

– Что?

– Нет, я так только, я ничего... я хотел...

Вася уселся и замолчал. Аркадий улегся. Ни тот, ни другой не сказали двух слов о коломенских. Может быть, оба чувствовали, что провинились немножко, покутили некстати. Вскоре Аркадий Иванович заснул, все тоскуя об Васе. К удивлению своему, он проснулся ровно в восьмом часу утра. Вася спал на стуле, держа в руке перо, бледный и утомленный; свечка сгорела. В кухне возилась Мавра за самоваром.

– Вася. Вася! – закричал Аркадий в испуге. – Когда ты лег?

Вася открыл глаза и вскочил со стула...

– Ах! – сказал он. – Я так и заснул!..

Он тотчас же бросился к бумагам – ничего: все было в порядке; ни чернилами, ни салом от свечки не капнуло.

– Я думаю, я заснул часов в шесть, – сказал Вася. – Как ночью холодно! Выпьем-ка чаю, и я опять...

– Подкрепился ли ты?

– Да-да, ничего, теперь ничего!..

– С Новым годом, брат Вася.

– Здравствуй, брат, здравствуй; тебя также, милый.

Они обнялись. У Васи дрожал подбородок и повлажнели глаза. Аркадий Иванович молчал: ему стало горько; оба пили чай наскоро...

– Аркадий! Я решил, я сам пойду к Юлиану Мастаковичу...

– Да ведь он не заметит...

– Да меня-то, брат, почти мучит совесть.

– Да, ведь ты для него же сидишь, для него же убиваешься... полно! А я, знаешь что, брат, я зайду туда...

– Куда? – спросил Вася.

– К Артемьевым, поздравлю с моей и с твоей стороны.

– Голубчик мой, миленький! Ну! я здесь останусь; да, я вижу, что ты хорошо придумал; ведь я же тут работаю, не в праздности время провожу! Постой на минутку, я тотчас письмо напишу.

– Пиши, брат, пиши, успеешь; я еще умоюсь, побреюсь, фрак почищу. Ну, брат Вася, мы будем довольны и счастливы! Обними меня, Вася!

– Ах, кабы, брат!..

– Здесь живет господин чиновник Шумков? – раздался детский голосок на лестнице.

– Здесь, батюшка, здесь, – проговорила Мавра, впуская гостя.

– Что там? что, что? – закричал Вася, вспрыгнув со стула и бросаясь в переднюю. – Петенька, ты?..

– Здравствуйте, с Новым годом вас честь имею поздравить, Василий Петрович, – сказал хорошенький черноволосый мальчик лет десяти, в кудряшках, – сестрица вам кланяется, и маменька тоже, а сестрица велела вас поцеловать от себя...

Вася вскинул на воздух посланника и вплеп в его губки, которые ужасно походили на Лизанькины, медовый, длинный, восторженный поцелуй.

– Целуй, Аркадий! – говорил он, передав ему Петю, и Петя, не касаясь земли, тотчас же перешел в мощные и жадные, в полном смысле слова, объятия Аркадия Ивановича.

– Голубчик ты мой, хочешь чайку?

– Покорно благодарю-с. Уж мы пили! Сегодня поднялись рано. Наши к обедне ушли. Сестрица два часа меня завивала, напмадила, умыла, панталончики мне зашила, потому что я их разодрал вчера с Сашкой, на улице: мы в снежки стали играть...

– Ну-ну-ну-ну!

– Ну, все меня наряжала к вам идти; потом напмадила, а потом зацеловала совсем, говорит: «Сходи к Васе поздравь, да спроси, довольны ли они, покойно ли почивали и еще...» и еще что-то спросить – да! и еще, конечно ль дело, об котором вы вчера... там как-то... да вот, у меня записано, – сказал мальчик, читая по бумажке, которую вынул из кармана, – да! беспокоились.

– Будет конечно! будет! так ей и скажи, что будет, непременно кончу, честное слово!

– Да еще... ах! я и забыл: сестрица записочку и подарок прислала, а я и забыл!..

– Боже мой!.. Ах ты голубчик мой! где... где? вот-а?! Смотри, брат, что мне пишет. Го-лу-бушка, миленькая! Знаешь, я вчера видел у ней бумажник для меня; он не кончен, так вот, говорит, посылаю вам локон волос моих, а то от вас не уйдет. Смотри, брат, смотри!

И потрясенный от восторга Вася показывал локон густейших, чернейших в свете волос Аркадию Ивановичу; потом горячо поцеловал их и спрятал в боковой карман, поближе к сердцу.

– Вася! Я тебе медальон закажу для этих волос! – решительно сказал, наконец, Аркадий Иванович.

– А у нас жаркое телятина будет, а потом завтра мозги; маменька хочет бисквиты готовить... а пшенной каши не будет, – сказал мальчик, подумав, как заключить свои рассказы.

– Фу, какой хорошенький мальчик! – закричал Аркадий Иванович. – Вася, ты счастливейший смертный!

Мальчик кончил чай, получил записочку, тысячу поцелуев и вышел счастливый и резвый по-прежнему.

– Ну, брат, – заговорил обрадованный Аркадий Иванович, – видишь, как хорошо, видишь! Все

уладились к лучшему, не горюй, не робей! вперед! Кончай, Вася, кончай! В два часа я домой: заеду к ним, потом к Юлиану Мастаковичу...

– Ну, прощай, брат, прощай... Ах, кабы!.. Ну, хорошо, ступай, хорошо, – сказал Вася, – я, брат, решительно не пойду к Юлиану Мастаковичу.

– Прощай!

– Стой, брат, стой: скажи им... ну, все, что найдешь: ее поцелуй... да расскажи, братец, все потом расскажи...

– Ну уж, ну уж – известно, знаем что! Это счастье перевернуло тебя! Это неожиданность; ты сам не свой со вчерашнего дня. Ты еще не отдохнул от вчерашних своих впечатлений. Ну, конечно! оправься, голубчик Вася! Прощай, прощай!

Наконец друзья расстались. Все утро Аркадий Иванович был рассеян и думал только об Васе. Он знал слабый, раздражительный характер его. «Да, это счастье перевернуло его, я не ошибся! – говорил он сам про себя. – Боже мой! Он и на меня нагнал тоску. И из чего этот человек способен поднять трагедию! Экая горячка какая! Ах, его нужно спасти! нужно спасти!» – проговорил Аркадий, сам не замечая того, что в своем сердце уже возвел до беды, по-видимому, маленькие домашние неприятности, в сущности ничтожные. Только в одиннадцать часов попал он в швейцарскую Юлиана Мастаковича, чтоб примкнуть свое скромное имя к длинному столбцу почтительных лиц, расписавшихся в швейцарской на листе закапанной и кругом исчерченной бумаги. Но каково было его удивление, когда перед ним мелькнула собственная подпись Васи Шумкова! Это его поразило. «Что с ним делается?» – подумал он. Аркадий Иванович, взывавший еще недавно надеждой, вышел расстроенный. Действительно, приготовлялась беда; но где? но какая?

В Коломну он приехал с мрачными мыслями, был рассеян сначала, но, поговорив с Лизанькой, вышел со слезами на глазах, потому что решительно испугался за Васю. Домой он пустился бегом и на Неве носом к носу столкнулся с Шумковым. Тот тоже бежал.

– Куда ты? – закричал Аркадий Иванович.

Вася остановился, как пойманный в преступлении.

– Я, брат, так: я прогуляться хотел.

– Не утерпел, в Коломну шел? Ах, Вася, Вася! Ну, зачем ты ходил к Юлиану Мастаковичу?

Вася не отвечал; но потом махнул рукой и сказал:

– Аркадий! я не знаю, что со мной делается! я...

– Полно, Вася, полно! ведь я знаю, что это такое. Успокойся! ты взволнован и потрясен со вчерашнего дня! Подумай: ну, как не снести этого! Все-то тебя любят, все-то около тебя ходят, работа твоя подвигается, ты ее кончишь, непременно кончишь, я знаю: ты вообразил что-нибудь, у тебя страхи какие-то...

– Нет, ничего, ничего...

– Помнишь, Вася, помнишь, ведь это было с тобою; помнишь, когда ты чин получил, ты от счастья и от благодарности удвоил ревность и неделю только портил работу. С тобой и теперь то же

самое...

– Да, да, Аркадий; но теперь другое, теперь совсем не то...

– Да как не то, помилуй! И дело-то, может быть, вовсе не спешное, а ты себя убиваешь...

– Ничего, ничего, я только так. Ну, пойдём!

– Что ж ты домой, а не к ним?

– Нет, брат, с каким я лицом явлюсь?.. Я раздумал. Я только один без тебя не высидел, а вот ты теперь со мной, так я и сяду писать. Пойдем!

Они пошли и некоторое время молчали. Вася спешил.

– Что ж ты меня не расспрашиваешь об них? – сказал Аркадий Иванович.

– Ах, да! Ну, Аркашенька, что ж?

– Вася, ты на себя не похож!

– Ну, ничего, ничего. Расскажи же мне все, Аркаша! – сказал Вася умоляющим голосом, как будто избегая дальнейших объяснений. Аркадий Иванович вздохнул. Он решительно терялся, смотря на Васю.

Рассказ о коломенских оживил его. Он даже разговорился. Они пообедали. Старушка наложила бисквитами полный карман Аркадия Ивановича, и приятели, кушая их, развеселились. После обеда Вася обещал заснуть, чтоб просидеть всю ночь. Он действительно лег. Утром кто-то, перед кем нельзя было отказаться, позвал Аркадия Ивановича на чай. Друзья расстались. Аркадий положил прийти как можно раньше, если можно, даже в восемь часов. Три часа разлуки прошли для него как три года. Наконец он вырвался к Васе. Войдя в комнату, он увидел, что все темно. Васи не было дома. Он спросил Мавру. Мавра сказала, что все писал и не спал ничего, потом ходил по комнате, а потом, час тому назад, убежал, сказав, что через полчаса будет; «а когда, мол, Аркадий Иванович придут, так скажи, мол, старуха, – заключила Мавра, – что гулять я пошел, и три, не то, мол, четыре раза наказывал».

«У Артемьевых он!» – подумал Аркадий Иванович и покачал головой.

Через минуту он вскочил, оживленный надеждой. Он просто кончил, подумал он, вот и все; не утерпел, да и убежал туда. Впрочем, нет! Он меня бы дождался... Взгляну-ка я, что там у него!

Он зажег свечку и бросился к письменному столу Васи: работа шла, и, казалось, до конца было не так далеко. Аркадий Иванович хотел было исследовать дальше, но вдруг вошел Вася...

– А! ты здесь? – закричал он, вздрогнув от испуга.

Аркадий Иванович молчал. Он боялся спросить Васю. Тот потупил глаза и тоже молча начал разбирать бумаги. Наконец глаза их встретились. Взгляд Васи был такой просящий, умоляющий, убитый, что Аркадий вздрогнул, когда встретил его. Сердце его задрожало и переполнилось...

– Вася, брат мой, что с тобой? что ты? – закричал он, бросаясь к нему и сжимая его в объятиях. – Объяснись со мной: я не понимаю тебя и тоски твоей; что с тобой, мученик ты мой? что? Скажи мне

все без утайки. Не может быть, чтоб это одно...

Вася крепко прижался к нему и не мог ничего говорить. Дух его захватило.

– Полно, Вася, полно! Ну, не кончить тебе, что ж такое? Я не понимаю тебя; открой мне мучения свои. Видишь ли, я для тебя... Ах, боже мой, боже мой! – говорил он, шагая по комнате и хватаясь за все, что ни попадалось ему под руки, как будто немедленно ища лекарства для Васи. – Я сам завтра, вместо тебя, пойду к Юлиану Мастаковичу, буду просить, умолять его, чтоб дал еще день отсрочки. Я объясню ему все, все, если только это так тебя мучает...

– Боже тебя сохрани! – вскричал Вася и побелел, как стена. Он едва устоял на месте.

– Вася, Вася!..

Вася очнулся. Губы его дрожали; он хотел что-то выговорить и только молча судорожно пожимал руку Аркадия... Рука его была холодна. Аркадий стоял перед ним полный тоскливого и мучительного ожидания. Вася опять поднял на него глаза.

– Вася! Бог с тобой, Вася! Ты истерзал мое сердце, друг мой, милый ты мой.

Слезы градом хлынули из глаз Васи; он бросился на грудь Аркадия.

– Я обманул тебя, Аркадий! – говорил он. – Я обманул тебя; прости меня, прости! Я обманул твою дружбу...

– Что, что Вася? что ж такое? – спросил Аркадий решительно в ужасе.

– Вот!..

И Вася с отчаянным жестом выбросил на стол из ящика шесть толстейших тетрадей, подобных той, которую он переписывал.

– Что это?

– Вот что мне нужно приготовить к послезавтрашнему дню. Я и четвертой доли не сделал! Не спрашивай, не спрашивай... как это случилось! – продолжал Вася, сам тотчас заговорив о том, что так его мучило. – Аркадий, друг мой! Я не знаю сам, что было со мной! Я как будто из какого сна выхожу. Я целые три недели потерял даром. Я все... я... ходил к ней... У меня сердце болело, я мучился... неизвестностью... я и не мог писать. Я и не думал об этом. Только теперь, когда счастье настает для меня, я очнулся.

– Вася! – начал Аркадий Иванович решительно. – Вася! я спасу тебя. Я понимаю все это. Это дело не шутка. Я спасу тебя! Слушай, слушай меня: я завтра же иду к Юлиану Мастаковичу... Не качай головой, нет, слушай! Я расскажу ему все, как было; позволь уж мне сделать так... Я объясню ему... я на все пойду! Я расскажу ему, как ты убит, как ты мучишься.

– Знаешь ли, что ты уж теперь убиваешь меня? – проговорил Вася, весь похолодев от испуга.

Аркадий Иванович побледнел было, но одумался и тотчас же рассмеялся.

– Только-то? только это? – сказал он. – Помилуй, Вася, помилуй! не стыдно ли? Ну, послушай! Я вижу, что огорчаю тебя. Видишь, я понимаю тебя: я знаю, что в тебе происходит. Ведь уж мы пять

лет вместе живем, слава Богу! Ты добрый, нежный такой, но слабый, непростительно слабый. Ведь уж и Лизавета Михайловна это заметила. Ты, кроме того, и мечтатель, а ведь это тоже нехорошо: свихнуться, брат, можно! Послушай, ведь я знаю, чего тебе хочется! Тебе хочется, например, чтоб Юлиан Мастакович был вне себя и еще, пожалуй, задал бы бал от радости, что ты женишься... Ну, стой, стой! Ты морщишься. Видишь, уж от одного моего слова ты обиделся за Юлиана Мастаковича! Я оставлю его. Я ведь и сам его уважаю не меньше твоего! Но уж ты меня не оспоришь и не откажешь мне думать, что ты бы желал, чтоб не было даже и несчастных на земле, когда ты женишься... Да, брат, ты уж согласишься, что тебе бы хотелось, чтоб у меня, например, твоего лучшего друга, стало вдруг тысяч сто капитала; чтоб все враги, какие ни есть на свете, вдруг бы, ни с того ни с сего, помирились, чтоб все они обнялись среди улицы от радости и потом сюда к тебе на квартиру, пожалуй, в гости пришли. Друг мой! милый мой! я не смеюсь, это так; ты уж давно мне все почти такое же в разных видах представлял. Потому, что ты счастлив, ты хочешь, чтоб все, решительно все сделались разом счастливыми. Тебе больно, тяжело одному быть счастливым! Потому ты хочешь сейчас всеми силами быть достойным этого счастья и, пожалуй, для очистки совести сделать подвиг какой-нибудь! Ну, я и понимаю, как ты готов себя мучить за то, что там, где бы нужно было показать свое радение, уменье... ну, пожалуй, благодарность, как ты говоришь, ты вдруг манкировал!⁶ Тебе ужасно горько при мысли, что Юлиан Мастакович поморщится и даже рассердится, когда увидит, что ты не оправдал надежд, которые он возложил на тебя. Тебе больно думать, что ты услышишь упреки от того, кого считаешь своим благодетелем, – и в какую минуту! Когда у тебя радостью переполнено сердце и когда ты не знаешь, на кого излить свою благодарность... Ведь так, не правда ли? Ведь так?

Аркадий Иванович, у которого дрожал голос, оканчивая, замолчал и перевел дух.

Вася смотрел с любовью на своего друга. Улыбка скользила по губам его.

Даже как будто ожидание надежды оживило лицо его.

– Ну, так слушай же, – начал снова Аркадий, еще более вдохновленный надеждою, – так и не нужно, чтоб Юлиан Мастакович изменил к тебе свою благосклонность. Так ли, голубчик мой? в этом вопрос? А коль в этом, так я же, – сказал Аркадий, вскочив с места, – я же пожертвую собой для тебя. Я завтра еду к Юлиану Мастаковичу... И не противоречь мне! Ты, Вася, свой проступок до преступления возводишь. А он, Юлиан Мастакович, великодушен и милосерд, да к тому же не таков, как ты! Он, брат Вася, нас с тобой выслушает и из беды вывезет. Ну! спокоен ли ты?

Вася со слезами на глазах сжал руку Аркадия.

– Полно, Аркадий, полно, – сказал он, – дело решенное. Ну, я не кончил, ну и хорошо; не кончил так не кончил. И тебе ходить не нужно: я сам все расскажу, сам пойду. Я теперь успокоился, я совершенно спокоен; только ты не ходи... Да послушай.

– Вася, дорогой ты мой! – вскричал в радости Аркадий Иванович. – Я по твоим словам говорил; я рад, что ты одумался и оправился. Но что бы с тобой ни было, что бы ни случилось, я при тебе, это помни! Я вижу, тебя терзает то, чтоб я не говорил ничего Юлиану Мастаковичу, – и не скажу, ничего не скажу, ты сам скажешь. Видишь ли: ты завтра пойдешь... или нет, ты не пойдешь, ты здесь будешь писать, понимаешь? а я там узнаю, какое это дело, очень ли спешное, или нет, нужно ли его к сроку, или нет, и если просрочишь, так что может выйти из этого? Потом я к тебе прибегу... Видишь, видишь! уж есть надежда; ну, представь, что дело не спешное – ведь выиграть можно. Юлиан Мастакович

---

⁶ Манкировал (франц. *manquer*) – выказал неуважение.

может не напомнить, и тогда все спасено.

Вася сомнительно покачал головою. Но благодарный взор его не сходил с лица друга.

– Ну, полно, полно! Я так слаб, так устал, – говорил он задыхаясь, – мне и самому об этом думать не хочется. Ну, поговорим о другом! Я, видишь ли, и писать, пожалуй, не буду теперь, а только так, две странички только окончу, чтоб дойти хоть до какой-нибудь точки. Послушай... я давно хотел спросить тебя: как это ты так хорошо меня знаешь?

Слезы капали из глаз Васи на руки Аркадия.

– Если б ты знал, Вася, до какой степени я люблю тебя, так ты бы не спросил этого – да!

– Да, да, Аркадий, я не знаю этого, потому... потому что я не знаю, за что ты меня так полюбил! Да, Аркадий, знаешь ли, что даже твоя любовь меня убивала? Знаешь ли, что сколько раз я, особенно ложась спать и думая об тебе (потому что и всегда думаю об тебе, когда засыпаю), я обливался слезами, и сердце мое дрожало оттого, оттого... Ну, оттого, что ты так любил меня, а я ничем не мог облегчить своего сердца, ничем тебя возблагодарить не мог...

– Видишь, Вася, видишь, какой ты!.. Смотри, как ты расстроен теперь, – говорил Аркадий, у которого душа изныла в эту минуту и который вспомнил про вчерашнюю сцену на улице.

– Полно; ты хочешь, чтоб я успокоился, а я никогда еще не был так спокоен и счастлив! Знаешь ли... Послушай, мне бы хотелось тебе все рассказать, да я все боюсь тебя огорчить... Ты все огорчаешься и кричишь на меня; а я пугаюсь... смотри, как я дрожу теперь, я не знаю отчего. Видишь ли, вот что мне сказать хочется. Мне кажется, не знал себя прежде, – да! да и других тоже вчера только узнал. Я, брат, не чувствовал, не ценил вполне. Сердце... во мне было черство... Слушай, как это случилось, что никому-то, никому я не сделал добра на свете, потому что сделать не мог – даже и видом-то я неприятен... А всякий-то мне делал добро! Вот ты первый: разве я не вижу. Я только молчал, только молчал!

– Вася, полно!

– Что ж, Аркаша! Что ж!.. Я ведь ничего... – прервал Вася, едва выговаривая слова от слез. – Я тебе говорил вчера про Юлиана Мастаковича. И ведь сам ты знаешь, он строгий, суровый такой, даже ты несколько раз на замечанье к нему попадал, а со мной он вчера шутить вздумал, ласкать и доброе сердце свое, которое перед всеми благородно скрывает, открыл мне...

– Ну, что ж, Вася? Это только показывает, что ты достоин своего счастья.

– Ах, Аркаша! как мне хотелось кончить это все дело!.. Нет, я сгублю свое счастье! У меня есть предчувствие! да нет, не через это, – перебил Вася, затем что Аркадий покосился на стопудовое, спешное дело, лежавшее на столе, – это ничего, это бумага писаная... вздор! Это дело решенное... я... Аркаша, был сегодня там, у них... я ведь не входил. Мне тяжело было, горько! Я только простоял у дверей. Она играла на фортепьяно, я слушал. Видишь, Аркадий, – сказал он, понижая голос, – я не посмел войти...

– Послушай, Вася, что с тобой? ты так на меня смотришь?

– Что? ничего? мне немного дурно; ноги дрожат; это оттого, что я ночью сидел. Да! у меня в глазах зеленеет. У меня здесь, здесь...

Он показал на сердце. С ним сделался обморок.

Когда он пришел в себя, Аркадий хотел принять насильственные меры. Он хотел уложить его насильно в постель. Вася не согласился ни за что. Он плакал, ломал себе руки, хотел писать, хотел непременно докончить свои две страницы. Чтоб не разгорячить его, Аркадий допустил его до бумаг.

– Видишь, – сказал Вася, усаживаясь на место, – видишь, и у меня идея пришла, есть надежда.

Он улыбнулся Аркадию, и бледное лицо его действительно как будто оживилось лучом надежды.

– Вот что: я понесу ему послезавтра не все. Про остальное солгу, скажу, что сгорело, что подмокло, что потерял... что, наконец, ну, не кончил, я лгать не могу. Я сам объясню – знаешь что? я объясню ему все: я скажу: так и так, не мог... я расскажу ему про любовь мою: он же сам недавно женился, он поймет меня! Я сделаю это все, разумеется, почтительно, тихо; он увидит слезы мои, он тронется ими...

– Да, разумеется, поди, поди к нему, объяснись... да тут и слез не нужно! из чего? Право, Вася, ты и меня совсем запугал.

– Да, я пойду, пойду. А теперь дай мне писать, дай мне писать, Аркаша. Я никого не трону, дай мне писать!

Аркадий бросился на постель. Он не доверял Васе, решительно не доверял. Вася был способен на все. Но просить прощения, в чем, как? Дело было не в том. Дело было в том, что Вася не исполнил обязанностей, что Вася чувствует себя виноватым *сам пред собою*, чувствует себя неблагодарным к судьбе, что Вася подавлен, потрясен счастьем и считает себя его недостойным, что, наконец, он отыскал себе только предлог повихнуть на эту сторону, а что со вчерашнего дня еще не опомнился от своей неожиданности. «Вот что такое! – подумал Аркадий Иванович. – Нужно спасти его. Нужно помирить его с самим собою. Он сам себя отпевает». Он думал, думал, да и решил немедленно идти к Юлиану Мастаковичу, завтра же идти и рассказать ему все.

Вася сидел и писал. Измученный Аркадий Иванович прилег, чтоб пораздумать о деле опять, и проснулся перед рассветом.

– Ай, черт! опять! – закричал он, посмотрев на Васю: тот сидел и писал.

Аркадий бросился к нему, обхватил его и насильно уложил в постель. Вася улыбался: глаза его смыкались от слабости. Он едва мог говорить.

– Я и сам хотел лечь, – сказал он. – Знаешь, Аркадий, у меня есть идея: я кончу. Я ускорил перо! Дальше сидеть я был неспособен; разбуди меня в восемь часов.

Он не договорил и заснул как убитый.

– Мавра! – шепотом сказал Аркадий Иванович Мавре, вносившей чай. – Он просил разбудить его через час. Ни под каким видом! пусть спит, хоть десять часов, понимаешь?

– Понимаю, барин-батюшка.

– Обедать не готовь, с дровами не возись, не шуми, беда тебе! Коли спросит меня, скажи, что я в должность ушел, понимаешь?

– Понимаю-ста, батюшка-барин; пусть поживает вволю, что мне! Я рада барскому сну; и барское добро берегу. А намедни, что чашку разбила и попрекать изволили, так это не я, это кошка Машка разбила, а я не догляди за ней; брысь, говорю, проклятая!

– Тс-с, молчи, молчи!

Аркадий Иванович выпроводил Мавру в кухню, потребовал ключ и запер ее там на замок. Потом пошел на службу. Дорогою он раздумывал, как бы ему предстать к Юлиану Мастаковичу, и ловко ли, и не дерзко ли будет? В должность пришел он с робостью и робко осведомился, тут ли его превосходительство: ответили, что нет, да и не будет. Аркадий Иванович мигом хотел идти к нему на квартиру, но весьма кстати сообразил, что если Юлиан Мастакович не приехал, так, стало быть, занят и дома. Он остался. Часы казались ему нескончаемыми. Под рукою он выведывал о деле, порученном Шумкову. Но никто не знал ничего. Знали только, что Юлиан Мастакович изволил занимать его особыми поручениями, – какими, не знал никто. Наконец пробило три часа, и Аркадий Иванович бросился домой. В прихожей остановил его один писарь и сказал, что Василий Петрович Шумков приходил, этак будет в первом часу, и спрашивал, прибавил писарь, тут ли вы и не был ли тут Юлиан Мастакович. Услышав это, Аркадий Иванович нанял извозчика и доехал домой вне себя от испуга.

Шумков был дома. Он ходил по комнате чрезвычайно взволнованный. Взглянув на Аркадия Ивановича, он как будто тотчас оправился, одумался и поспешил скрыть свое волнение. Он молча сел за бумаги. Казалось, он избегал вопросов своего друга, тяготился ими, сам задумал кое-что про себя и уже решил не открывать своего решения, затем что и на дружбу более нельзя положиться. Это поразило Аркадия, и сердце его изныло от тяжелой, пронзительной боли. Он сел на кровать и развернул какую-то книжонку, единственную, бывшую в его обладании, а сам не спускал глаз с бедного Васи. Но Вася упорно молчал, писал и не подымал головы. Так прошло несколько часов, и мучения Аркадия возросли до последней степени. Наконец, часу в одиннадцатом, Вася поднял голову и тупым, неподвижным взглядом посмотрел на Аркадия. Аркадий ждал. Прошло две-три минуты; Вася молчал. «Вася! – крикнул Аркадий. Вася не дал ответа. – Вася! – повторил он, вскочив с кровати. – Вася, что с тобой? что ты?» – закричал он, подбегая к нему. Вася поднял голову и опять посмотрел на него тем же тупым, неподвижным взглядом. «На него столбняк нашел!» – подумал Аркадий, весь дрожа от испуга. Он схватил графин с водой, приподнял Васю, налил ему воды на голову, намочил виски, тер руки в своих руках, – и Вася очнулся. «Вася, Вася! – кричал Аркадий, заливаясь слезами, не удерживаясь более. – Вася, не губи себя, вспомни! вспомни!..» Он не договорил и горячо сжимал его в своих объятиях. Какое-то тягостное ощущение прошло по всему лицу Васи; он тер себе лоб и схватился за голову, словно боясь, что она разлетится.

– Не знаю, что это со мною! – проговорил он, наконец. – Я, кажется, надорвался. Ну, хорошо, хорошо! Полно, Аркадий, не печалься; полно! – повторял он, смотря на него грустным, изнеможенным взглядом. – Чего беспокоиться? полно!

– Ты же, ты же меня утешаешь, – закричал Аркадий, у которого разрывалось сердце. – Вася, – сказал он, наконец, – приляг, засни немножко, что? Не мучь себя понапрасну! Лучше потом опять сядешь работать!

– Да, да! – повторял Вася. – Изволь! я лягу; хорошо; да! видишь ли, я хотел кончить, а теперь раздумал, да...

И Аркадий утащил его на постель.

– Слушай, Вася, – сказал он твердо, – нужно окончательно решить это дело! Скажи мне, что ты

задумал?

– Ах! – сказал Вася, махнув ослабевшей рукой и повернув на другую сторону голову.

– Полно, Вася, полно! решишь! Я не хочу быть убийцей твоим: я не могу больше молчать. Ты не заснешь, коль не решишься, я знаю.

– Как хочешь, как хочешь, – загадочно повторил Вася.

«Сдается!» – подумал Аркадий Иванович.

– Последуй мне, Вася, – сказал он, – вспомни, что я говорил, и я спасу тебя завтра; завтра я решу твою участь! Что я говорю, участь! Ты так напугал меня, Вася, что я сам толкую твоими словами. Какая участь! Просто вздор, пустяки! Тебе не хочется потерять расположение, любовь, если хочешь, Юлиана Мастаковича, да! и не потеряешь, увидишь... Я...

Аркадий Иванович еще долго бы говорил, но Вася прервал его. Он приподнялся на постели, молча обвил обеими руками шею Аркадия Ивановича и поцеловал его.

– Довольно! – сказал он слабым голосом. – Довольно! полно об этом!

И он снова повернул к стене свою голову.

«Боже мой! – думал Аркадий. – Боже мой! что с ним? Он совсем потерялся: на что он решился такое? Он погубит себя».

Аркадий смотрел на него в отчаянии.

«Если б он заболел, – думал Аркадий, – может быть, лучше бы было. С болезнью прошла бы забота, а там можно бы отличным образом уладить все дело. Но что я вру! Ах, создатель мой!...»

Между тем Вася как будто задремал. Аркадий Иванович обрадовался. «Добрый знак!» – думал он. Он решился сидеть над ним всю ночь. Но сам Вася был спокоен. Он поминутно вздрагивал, метался на постели и на мгновение открывал глаза. Наконец утомление взяло верх: казалось, он заснул как убитый. Было около двух часов утра: Аркадий Иванович задремал на стуле, облокотясь локтем на стол.

Сон его был тревожен и странен. Ему все казалось, что он не спит и что Вася по-прежнему лежит на постели. Но странное дело! Ему казалось, что Вася притворяется, что он даже обманывает его и вот-вот встает потихоньку, наблюдая его вполглаза, и крадется за письменный стол. Жгучая боль захватывала сердце Аркадия; ему было и досадно, и грустно, и тяжело видеть Васю, который не доверяет ему, таится от него и кроется. Он хотел обхватить его, закричать, унести на кровать... Тогда Вася вскрикивал у него на руках, и он уносил на постель один бездыханный труп. Холодный пот проступал на лбу Аркадия, сердце его страшно билось. Он открыл глаза и проснулся. Вася сидел перед ним за столом и писал.

Не доверяя чувствам своим, Аркадий взглянул на постель: там не было Васи. Аркадий вскочил в испуге, еще под влиянием своих сновидений. Вася не шелохнулся. Он все писал. Вдруг Аркадий с ужасом заметил, что Вася водит по бумаге сухим пером, перевортывает совсем белые страницы и спешит, спешит наполнить бумагу, как будто он делает отличнейшим и успешнейшим образом дело! «Нет, это не столбняк! – подумал Аркадий Иванович и затрясся всем телом. – Вася, Вася! откликнись же мне!» – закричал он, схватив его за плечо. Но Вася молчал и по-прежнему продолжал строчить

сухим пером по бумаге.

– Наконец я ускорил перо, – проговорил он, не подымая головы на Аркадия.

Аркадий схватил его за руку и вырвал перо.

Стон вырвался из груди Васи. Он опустил руку и поднял глаза на Аркадия, потом с томительно-тоскливым чувством провел рукою по лбу, как будто желая снять с себя какой-то тяжелый, свинцовый груз, налегший на все существо его, и тихо, как будто в раздумье, опустил на грудь голову.

– Вася, Вася! – кричал Аркадий Иванович в отчаянии. – Вася!

Через минуту Вася посмотрел на него. Слезы стояли в его больших голубых глазах, и бледное кроткое лицо его выразило бесконечную муку... Он что-то шептал.

– Что, что? – закричал Аркадий, наклоняясь к нему.

– За что же, за что меня? – шептал Вася. – За что? Что я сделал?

– Вася! что ты? чего ты боишься, Вася? чего? – закричал Аркадий, ломая руки в отчаянье.

– За что ж меня в солдаты-то отдавать? – сказал Вася, посмотрев прямо в глаза своего друга. – За что? что я сделал?

Волосы встали дыбом на голове Аркадия; он не хотел верить. Он стоял над ним как убитый.

Через минуту он опомнился. «Это так, это минутное!» – говорил он про себя, весь бледный, с дрожащими, посинелыми губами, и бросился одеваться. Он хотел бежать прямо за доктором. Вдруг Вася кликнул его; Аркадий бросился на него и обнял его, как мать, у которой отнимают родное дитя...

– Аркадий, Аркадий, не говори никому! слышишь, моя беда! Пусть я один и несущу...

– Что ты? что ты? опомнись, Вася, опомнись!

Вася вздохнул, и тихие слезы заструились по щекам его.

– За что же ее убивать? чем же она, чем же она виновата!.. – проворчал он мучительным, раздирающим душу голосом. – Мой грех, мой грех!..

Он замолчал на минуту.

– Прощай, моя любя! Прощай, моя любя! – шептал он, качая бедной своей головою. Аркадий вздрогнул, очнулся и хотел броситься за доктором. – Идем! пора! – закричал Вася, увлекшись последним движением Аркадия. – Идем, брат, идем; я готов! Ты меня проводи! – Он замолчал и взглянул на Аркадия убитым, недоверчивым взглядом.

– Вася, не ходи за мной, ради Бога! подожди меня здесь. Я сейчас, сейчас ворочусь к тебе, – говорил Аркадий Иванович, сам теряя голову и схватив фуражку, чтобы бежать за доктором. Вася уселся тотчас; он был тих и послушен, только в глазах его сияла какая-то отчаянная решимость. Аркадий воротился, схватил со стола разогнутый перочинный ножичек, последний раз взглянул на беднягу и выбежал из квартиры.

Был восьмой час. Свет уже давно разогнал сумерки в комнате.

Он не нашел никого. Он бегал уже целый час. Все доктора, адреса которых узнавал он у дворников, наведываясь, не живет ли хоть какой-нибудь доктор в доме, уже уехали, кто по службе, кто по своим делам. Был один, который принимал пациентов. Он долго и подробно расспрашивал слугу, доложившего, что пришел Нефедевич: от кого, кто и как, по какой надобности и как даже будет приметам ранний посетитель? – и заключил тем, что нельзя, дела много и ехать не может, а что такого рода больных нужно в больницу везти.

Тогда убитый, потрясенный Аркадий, никак не ожидавший подобной развязки, бросил все, всех докторов на свете, и пустился домой, в последней степени испуга за Васю. Он вбежал в квартиру. Мавра, как ни в чем не бывало, мела пол, ломала лучинки и готовилась печь топить. Он в комнату – Васи и след простыл: он ушел со двора.

«Куда? где? куда побежит несчастный?» – подумал Аркадий, леденя от ужаса. Он начал допрашивать Мавру. Та ничего не знала, не ведала, да и не слыхала, как вышел, прости его господи! Нефедевич бросился к Коломенским.

Ему, Бог знает отчего, пришло на мысль, что он там.

Был уже десятый час, как он приехал туда. Там его не ждали, ничего не знали, не ведали. Он стоял перед ними испуганный, расстроенный и спрашивал, где Вася? У старухи подломились ноги: она рухнулась на диван. Лизанька, вся дрожа от испуга, начала расспрашивать о случившемся. Что было говорить? Аркадий Иванович отделался наскоро, выдумал какую-то басню, которой, разумеется, не поверили, и убежал, оставив всех потрясенными, измученными. Он бросился в свое ведомство, чтоб по крайней мере не опоздать и дать знать туда, чтоб поскорее приняли меры. Дорогою ему вздумалось, что Вася у Юлиана Мастаковича. Это было вернее всего: Аркадий прежде всего, прежде коломенских, подумал об этом. Проезжая мимо дома его превосходительства, он хотел остановиться, но тотчас же велел продолжать путь далее. Он решился попытаться узнать, нет ли чего в ведомстве, и потом, как уж там не найдет, явиться к его превосходительству по крайней мере в качестве рапортующего об Васе. Кому-нибудь нужно же было рапортовать!

Еще в приемной окружили его товарищи помоложе, все большею частию ему равные чином, и в один голос стали расспрашивать, что сделалось с Васей? Все они в то же время говорили, что Вася с ума сошел и помешался на том, что его в солдаты хотят отдать за неисправное исполнение дела. Аркадий Иванович отвечал на все стороны, или, лучше сказать, не отвечая положительно никому, стремился во внутренние покои. На дороге узнал он, что Вася в кабинете Юлиана Мастаковича, что туда все пошли и что Эспер Иванович тоже туда пошел. Он было приостановился. Кто-то из старших спросил его, куда он и что ему надо? Не отличив лица, он проговорил что-то об Васе и пошел прямо в кабинет. Оттуда уже слышался голос Юлиана Мастаковича. «Куда вы?» – спросил его кто-то у самых дверей. Аркадий Иванович почти потерялся: он уже хотел было воротиться, но из-за приотворенной двери увидел своего бедного Васю. Он отворил и протеснился кое-как в комнату. Там царствовала суматоха и недоумение, затем что Юлиан Мастакович был, по-видимому, в сильном огорчении. Около него стояли все, кто поважнее, толковали и не решились ровно ничего. Поодаль стоял Вася. Все замерло в груди у Аркадия, когда он взглянул на него. Вася стоял бледный, с поднятой головой, вытянувшись в нитку и опустив руки по швам. Он глядел прямо в глаза Юлиану Мастаковичу. Тотчас заметили Нефедевича, и кто-то, знавший, что они сожители, доложил о том его превосходительству. Аркадия подвели. Он хотел что-то ответить на предложенные вопросы, взглянул на Юлиана Мастаковича и, видя, что на лице его изобразилась истинная жалость, затрясся и зарыдал, как ребенок. Он даже сделал более: бросился, схватил руку начальника и поднес к глазам своим, омывая ее слезами, так что даже

сам Юлиан Мастакович принужден был отнять ее наскоро, махнуть ею по воздуху и сказать: «Ну, полно, брат, полно, вижу, что у тебя доброе сердце». Аркадий рыдал и бросал на всех умоляющие взгляды. Ему казалось, что все братья его бедному Васе, что все они тоже терзаются и плачут об нем. «Как же это, как же это с ним сделалось? – говорил Юлиан Мастакович. – Отчего же он с ума сошел?»

– От бла-благо-дарности! – мог только выговорить Аркадий Иванович.

Все выслушали ответ его в недоумении, и всем показалось странным и невероятным: как же это так может из благодарности сойти с ума человек? Аркадий объяснился, как умел.

– Боже, как жаль! – проговорил, наконец, Юлиан Мастакович. – И дело-то, порученное ему, было неважное и вовсе не спешное. Так-таки, не из-за чего, погиб человек! Что ж, отвести его!.. – Тут Юлиан Мастакович обратился снова к Аркадию Ивановичу и снова начал его расспрашивать. «Он просит, – сказал он, указав на Васю, – чтоб не говорили об этом какой-то девушке; что она, невеста, что ли, его?»

Аркадий стал объяснять. Между тем Вася как будто думал о чем-то, как будто с величайшим напряжением припоминал одну важную, нужную вещь, которая вот именно теперь бы и пригодилась. Порой он страдальчески поводил глазами, как будто надеялся, что кто-нибудь напомним ему про то, что забыл он. Он устремился глазами на Аркадия. Наконец, вдруг, как будто надежда блеснула в глазах его, он двинулся с места с левой ноги, ступил три шага как только мог ловче и даже пристукнул правым сапогом, как делают солдаты, подойдя к подозвавшему их офицеру. Все ожидали, что будет.

– Я с телесным недостатком, ваше превосходительство, слабосилен и мал, не гожусь на службу, – сказал он отрывисто.

Тут все, кто ни были в комнате, все почувствовали, как будто кто-нибудь сжал им сердце, и даже как ни тверд был характером Юлиан Мастакович, но слеза потекла из глаз его. «Уведите его», – сказал он, махнув рукою.

– Лоб! – сказал Вася вполголоса, повернулся налево кругом и вышел из комнаты. За ним бросились все, кого интересовала его участь. Аркадий теснился за прочими. Васю усадили в приемной в ожидании предписания и кареты, чтоб отвезти его в больницу. Он сидел молча и был, казалось, в чрезвычайной заботе. Кого узнавал, тому кивал головою, как будто прощаясь с ним. Он поминутно оглядывался на дверь и готовился, когда скажут: «Пора». Кругом его столпился тесный кружок; все покачивали головами, все сетовали. Многих поразила его история, которая уже вдруг сделалась известною; одни рассуждали, другие жалели и хвалили Васю, говорили, что был такой скромный, тихий молодой человек, что обещал так много; рассказывали, как он старался учиться, был любознателен, стремился образовать себя. «Собственными силами вышел из низкого состояния!» – заметил кто-то. С умилением говорили о привязанности к нему его превосходительства. Некоторые пустились объяснять, почему именно пришло в голову Васе, и он на том помешался, что его отдадут в солдаты за то, что не кончил работы. Говорили, что бедняк недавно из податного звания, и только по ходатайству Юлиана Мастаковича, умевшего отличить в нем талант, послушание и редкую кротость, получил первый чин. Одним словом, очень много было разных толков и мнений. В особенности, из потрясенных, заметен был один, очень маленький ростом, сослуживец Васи Шумкова. И не то чтобы так был совсем молодой человек, а примерно лет уже тридцати. Он был бледен, как полотно, дрожал всем телом и как-то странно улыбался – может быть, потому, что всякое скандалёзное дельцо или ужасная сцена и пугает и вместе с тем как-то несколько радует постороннего зрителя. Он поминутно обегал весь кружок, обступивший Шумкова, и так как был мал, то становился на цыпочки, хватал за пуговицу встречного и поперечного, то есть из тех, кого имел право хватать, и все говорил, что он знает, отчего это все, что это не то чтобы простое, а довольно важное дело, что так оставить

нельзя; потом опять становился на цыпочки, нашептывал на ухо слушателю, опять кивал раза два головою и снова перебежал далее. Наконец кончилось все: явился сторож, фельдшер из больницы, подошли к Васе и сказали ему, что пора ехать. Он вскочил, засуетился и пошел с ними, оглядываясь кругом. Он искал кого-то глазами! «Вася! Вася!» – закричал, рыдая, Аркадий Иванович. Вася остановился, и Аркадий-таки протеснился к нему. Они бросились в последний раз друг другу в объятия и тяжело сжали друг друга... Грустно было их видеть. Какое химерическое несчастье вырывало слезы из глаз их! об чем они плакали? где эта беда? зачем они не понимали друг друга?..

– На, на, возьми! сбереги это, – говорил Шумков, всовывая какую-то бумажку в руку Аркадия. – Они у меня унесут. Принеси мне потом, принеси: сбереги... – Вася не договорил, его кликнули. Он поспешно сбежал с лестницы, кивая всем головою, прощаясь со всеми. Отчаяние было на лице его. Наконец усадили его в карету и повезли. Аркадий поспешно развернул бумажку: это был локон черных волос Лизы, с которыми не расставался Шумков. Горячие слезы брызнули из глаз Аркадия. «Ах, бедная Лиза!»

По окончании служебного времени он пошел к Коломенским. Нечего говорить, что там было! Даже Петя, малютка Петя, не совсем понявший, что сделалось с добрым Васей, зашел в угол, закрылся ручонками и зарыдал во сколько стало его детского сердца. Были уже полные сумерки, когда Аркадий возвращался домой. Подойдя к Неве, он остановился на минуту и бросил пронзительный взгляд вдоль реки в дымную, морозно-мутную даль, вдруг заалевшую последним пурпуром кровавой зари, догоравшей в мглистом небосклоне. Ночь ложилась над городом, и вся необъятная, вспухшая от замерзшего снега поляна Невы, с последним отблеском солнца, осыпалась бесконечными мириадами искр иглисто-инея. Становился мороз в двадцать градусов... Мерзлый пар валил с загнанных насмерть лошадей, с бегущих людей. Сжатый воздух дрожал от малейшего звука, и, словно великаны, со всех кровель обеих набережных подымались и неслись вверх по холодному небу столпы дыма, сплетаясь и расплетаясь в дороге, так что, казалось, новые здания вставали над старыми, новый город складывался в воздухе... Казалось, наконец, что весь этот мир, со всеми жильцами его, сильными и слабыми, со всеми жилищами их, приютами нищих или раззолоченными палатами – отрадой сильных мира сего, в этот сумеречный час походит на фантастическую, волшебную грезу, на сон, который в свою очередь тотчас исчезнет и исcurится паром к темно-синему небу. Какая-то странная дума посетила осиротелого товарища бедного Васи. Он вздрогнул, и сердце его как будто облилось в это мгновение горячим ключом крови, вдруг вскипевшей от прилива какого-то могучего, но доселе не знакомого ему ощущения. Он как будто только теперь понял всю эту тревогу и узнал, отчего сошел с ума его бедный, не вынесший своего счастья Вася. Губы его задрожали, глаза вспыхнули, он побледнел и как будто прозрел во что-то новое в эту минуту...

Он сделался скучен и угрюм и потерял всю свою веселость. Прежняя квартира стала ему ненавистна – он взял другую. К Коломенским идти он не хотел, да и не мог. Через два года он встретил Лизаньку в церкви. Она была уже замужем: за нею шла мамка с грудным ребенком. Они поздоровались и долгое время избегали разговора о старом. Лиза сказала, что она, слава Богу, счастлива, что она не бедна, что муж ее добрый человек, которого она любит... Но вдруг, среди речи, глаза ее наполнились слезами, голос упал, она отвернулась и склонилась на церковный помост, чтоб скрыть от людей свое горе...